

40 лет на службе закона

(продолжение. Нач. в №2(89))

Годы работы прокурором округа

Приказом прокурора РСФСР от 30 июля 1975 года я был назначен прокурором Ямало-Ненецкого автономного округа. Перед назначением меня в вышестоящую прокуратуру и партийные органы не приглашали. Лишь прокурор области Рыбников позвонил и спросил мое согласие. Я ответил утвердительно.

9 марта 1976 года приказом Генерального прокурора СССР Руденко Р.А. в порядке поощрения мне был присвоен классный чин старший советник юстиции. Кстати сказать, Зубакиным этот чин был получен после 10 лет работы прокурором округа. Действовавшим в то время положением о прокуратуре «потолок» для прокурора округа был установлен младший советник юстиции. После моего назначения на должность Салехардский межрайонный прокурор Ветрогон М.Ф. спросил, не буду ли я против назначения его на должность заместителя прокурора округа. Я не возражал. Он был в дружеских отношениях с прокурором области Рыбниковым Б.И., они оба в 1950 г. окончили Казанский юридический институт, длительное время работали вместе в прокуратуре города и округа.

Вопрос о его переводе решил-

ся в несколько дней. Ветрогон был старше меня на 7 лет, четверть века отработал в прокуратуре в Салехарде. Часто выступал в коллективах с лекциями, беседами по правовым вопросам. Длительное время являлся председателем общества «Знание». С ним я впервые познакомился в 1956 году, когда прибыл стажером следователя Ямальского района в Салехард. Ветрогон тогда уже являлся Салехардским межрайонным прокурором. Его знали почти все жители города, часто приходили на прием. Он умело строил взаимоотношения с местными партийно-советскими органами и вышестоящими прокурорами. Ему в то время первому и единственному в округе было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». Единственное, ему иногда не доставало смелости рискнуть принять ответственное решение – санкционировать арест или утвердить в мое отсутствие обвинительное заключение. Порой бывал не сдержан и вспыльчив в обращении с прокурорами районов. Именно поэтому, и до моего назначения и позднее, его не представляли на вышестоящую должность. Он же считал «виной» его национальность, в шутку называл себя «самым морозостойким евреем».

Его личная жизнь сложилась не совсем гладко. С первой женой у них

Костко Николай Борисович

были постоянные ссоры, скандалы, об этом он оповещал всех в прокуратуре, рассказывая в подробностях о домашних баталиях. Это выглядело некрасиво и не по-мужски. Его заместитель Сачкова не выдержала и сделала ему замечание, что он ведет себя неправильно, выставляя напоказ их отношения с женой. К моменту перехода Ветрогона в окружную прокуратуру его жена умерла, трое сыновей были уже взрослыми. Один из сыновей во время учебы в институте, проходя практику, погиб. Эту утрату он тяжело перенес. После того как он женился на Усенко Н.И., работавшей прокурором Тазовского района, сыновья на него обиделись. Один начал злоупотреблять спиртным, уехал на жительство в Ленинград и с отцом не поддерживал отношения. Младший сын уволился из прокуратуры, утроился адвокатом, уехал на жительство в г. Ноябрьск.

С Ветрогоном мы работали дружно, особых сложностей не возникло. Правда, он однажды очень обиделся на меня из-за того, что я отказался представлять кандидатуру его жены Усенко Н.И. на должность заместителя прокурора межрайонной прокуратуры. Когда рассматривался этот вопрос, ко мне пришел прокурор Стафеев Л.Г. и буквально умолял не назначать к нему заместителем Усенко, заявляя при этом, что они

В Красноселькупе через 40 лет. Встреча с прокурором района и судьей.

с Ветрогоном «съедят» его. Я знал, что Ветрогон невысокого мнения о Стафееве, считает его недостаточно профессиональным юристом и не компетентным прокурором, к тому же неравнодушным к спиртному. Мне об этом было известно, как и о твердом волевом характере Усенко, которая будет командовать в прокуратуре, и Стафеев противостоять ей не сможет. А это значит, там будут постоянно возникать конфликты. Ветрогон, естественно, будет поддерживать жену, Стафеев апеллировать ко мне и ждать поддержки. В общем, в перспективе могла сложиться такая ситуация, что будем втянуты в постоянные разборки. Я попытался все это изложить Ветрогону, он со мной не согласился. Прокурор области с моими доводами был солидарен. Усенко из прокуратуры уволилась. Ее приняли инструктором окружкома партии. Там она и работала до выхода на пенсию. Но это не отразилось на наших служебных отношениях с Ветрогоном. При распределении обязанностей все вопросы, которыми я занимался, перешли к нему. Он со своей работой справлялся. Только порой излишне эмоционально реагировал на неисполнительность прокуроров в предоставлении статотчетов и на допускаемые ими ошибки.

В то время серьезное внимание уделялось вопросам борьбы с преступностью и профилактике правонарушений. Совместно с органами внутренних дел, судами и прокурату-

рой разрабатывались мероприятия по предупреждению правонарушений и укреплению общественного порядка, которые утверждались на бюро окружкома, горкома и райкома партии. Их выполнение периодически заслушивалось на бюро и других партийных советских форумах. Прокуроры выступали с докладами на партактивах, сессиях местных Советов, а также комсомольских собраниях крупных предприятий и учебных заведений.

Серьезное внимание прокуратура округа уделяла соблюдению законов органами местной власти. Как отмечается в книге «Краткая история становления органов прокуратуры Ямала»: «Выступая на сессии окрсовета 15.03.1977 г., окрпрокурор Костко заклеил отдельные исполкомы местных Советов, не исполняющих требования прокуроров об устранении нарушений закона. В выступлении на партактиве 25.04.1977 г. Костко отметил, что не исполняют закон комиссии по борьбе с пьянством и комиссии по соц. законности, которые игнорируют требования постановления ЦК КПСС и СМ СССР». Постановлением бюро окружкома партии прокуратура обязана была предоставлять каждые полгода отчеты о работе с письмами и заявлениями граждан.

В 70-е годы приоритетными направлениями были борьба с хищениями, взяточничеством, бесхозяйственностью, приписками. За пособничество в приписках был при-

влечен к уголовной ответственности заместитель председателя Салехардского горисполкома Хизов Л.И., за хищение и браконьерство – директор совхоза «Верхне-Пуровский» Николаев, за взяточничество – директор совхоза «Полярный» Каплун и другие. Эти дела рассматривались окружным судом. Мной они изучались, утверждались обвинительные заключения. Дела рассмотрены в установленные сроки, без возвращения на доследование.

В годы работы прокурором округа началось интенсивное промышленное освоение газовых месторождений. Ускоренными темпами строились газопроводы, перекачивающие станции, железные дороги. Возводились новые аэропорты, речные порты, автомобильные дороги и т.д.

Образованы новые города: Надым, Новый Уренгой, Лабытнанги и ряд поселков. Мне приходилось заниматься размещением и подбором кадров в прокуратуры образованных городов. Прокурором в г. Надым был направлен Нарожный Г.В., работавший помощником Салехардского межрайонного прокурора, в Новый Уренгой – Шафеева Р.К., которую перевели из Красноселькупского района, в Лабытнанги – Саевича С.З., работавшего прокурором Ямальского района. Они проработали много лет в указанных прокуратурах и были лучшими прокурорами в округе. Работавшие в аппарате прокуратуры округа следователи Шанаурин В.С., Сторожев О.И., Огородников Н.М.

Фотография на память, с бывшими сотрудниками прокуратуры округа, спустя 30 лет.

С бывшим прокурором округа Стафеевым Л. Г., во время пребывания в г. Салехард

были впоследствии назначены прокурорами. Шанаурин – прокурором г. Салехарда, г. Нового Уренгоя, г. Тюмени. Сторожев много лет проработал прокурором Салехарда, затем заместителем прокурора округа. Огородников Н.М. – заместителем прокурора округа.

Мной в свое время на должность прокурора Красноселькупского района был выдвинут следователь Ветюгов Н.И. После девяти лет работы прокурором района он был переведен прокурором г. Надыма, затем – заместителем прокурора округа и, наконец, прокурором округа. Вообще для меня было неожиданным служебное продвижение Ветюгова. В свое время я считал его уровень не выше прокурора района.

Они с Поляковым вместе работали следователями прокуратуры г. Надыма. Из них двоих в тот период я считал профессионально более сильным Полякова, и по характеру он был более волевым, целеустремленным. Дела рассматривал качественно и в установленные сроки.

Когда он узнал, что должность прокурора первому предложили не ему, а Ветюгову, воспринял как личное оскорбление и недооценку его способностей. На Ветюгова затаил обиду на долгие годы. Поляков не предполагал, что через несколько лет они окажутся в «одной лодке». Он станет прокурором округа, а Ветюгов его заместителем, потом прокурором округа. Нездоровая между ними конкуренция со временем выльется в личные неприязнен-

ные отношения.

Полякову, будучи в Надыме, я пообещал, что при первой возможности будет направлен прокурором в более крупный район. Но его излишнее честолюбие, уничижительные отзывы о его коллеге, настырность, с которой он рвался в прокуратуры, мне не понравились. После моего отъезда его назначили прокурором Шурышкарского района, затем г. Лабитнанги и, наконец, прокурором округа. Надо сказать, к его продвижению приложил и я руку. Будучи заместителем прокурора области, по распределению обязанностей, я курировал прокуратуры Ямало-Ненецкого округа. Поскольку кадры этих прокуратур округа я знал хорошо, то все назначения и перемещения предварительно прокурор области согласовывал со мной. Когда возникла необходимость подбора кандидатуры на должность прокурора округа, мы с прокурором области Восьмериком А.М. долго подбিরали, обсуждали, кого из прокуроров, работавших в то время, выдвинуть на эту должность. Остановились на Полякове, имеющем достаточный опыт работы в органах прокуратуры. Хотя, как оказалось, по чисто человеческим качествам далеко не лучшая кандидатура.

Начавшаяся удачно работа в должности прокурора округа едва преждевременно не закончилась. При подготовке доклада на сессию окружного Совета народных депутатов «О состоянии законности и правопорядка в округе» перенерв-

ничал. Содержание написанного мне не понравилось, фактически материала было мало, проблемы сформулированы и поставлены задачи не четко. Заместитель помочь ничем не мог. Такого рода «сочинения» ему не удавались.

От всех этих переживаний обострилось старое заболевание – остеохондроз позвоночника, полученное при переохлаждении в Красноселькупском районе. Там в командировках приходилось пережидать пургу в снегу или в тайге у костра, спать на стульях в неотопляемых кабинетах. Лечить в районе особо было некому, так, заглушили на время острую боль. Доклад я все же дописал, лежа на койке. Прочитал его на сессии заместитель. Врачи сделать ничего не могли, облегчить страшную боль тоже. Меня погрузили в самолет, из аэропорта на носилках доставили в областную больницу. Там два месяца проделали все возможные процедуры, кололи «лошадиными» дозами новокаина, но полностью излечить не могли. До меня дошли слухи, что в прокуратуре области уже рассматривается вопрос о моей замене. Меня это разозлило и обидело: даже не поговорив со мной, уже списывают в инвалиды. Решил – во что бы ни стало встану на ноги. Преодолевая дикую, нестерпимую боль, со слезами и гримасой на лице начал учиться ходить заново. После выписки из больницы в п. ММС остановился в домике, где жила мама. Туда же вскоре летом приехали жена с детьми. Люба и мама ак-

С женой и младшим сыном Андреем.
Перед отъездом из Салехарда.
Аэропорт, 1981 г.

тивно начали лечить. Они натирали спину разными травами, исправно стегали крапивой и, в конце концов, поставили на ноги.

Для меня это событие стало поистине суровым испытанием силы воли в преодолении боли, в осуществлении желаний снова стать нужным, полезным на работе и дома.

Подлечившись, я вернулся на работу и продолжил выполнять возложенные на меня обязанности. Но мы с заместителем отчетливо понимали, при наличии тех кадров, как в аппарате прокуратуры округа, так и в районах, стоящие перед нами задачи успешно выполнять невозможно. В этом кадровом вопросе нас всегда поддерживал окружком партии.

Еще в 1973 году за подписью 1 секретаря окружкома партии Тюрина было направлено письмо Генеральному прокурору СССР Р.А.Руденко о необходимости кадрового укрепления аппарата окрпрокуратуры, прокуратур городов Надыма и Салехарда, образовании прокуратуры Пуровского района. В этом ходатайстве было отказано.

В 1977 году за подписью 1 секретаря Долгих Ю.А. вновь направили письмо в ЦК КПСС и Генеральную прокуратуру о создании прокуратуры Приуральского района. В течение года велась переписка, пришлось мне лично ездить в кадры Генеральной прокуратуры. Прокуратура Приуральского района воссоздана в 1978 году, прокурором назначен Овчинников В.Ф.

Снова начались выезды с провер-

ками в горрайпрокуратуры, координационные и межведомственные совещания, изучение уголовных дел и т.д.

Нас тоже не забывали навещать с проверками, чаще всего из областной прокуратуры. Выявляли, естественно, какие-то нарушения и недостатки. После первой проверки меня выдернули на коллегию и в назидание подвергли острой критике. Обошлось без взыскания. Периодически наведывались из столицы с серьезными проверками, а иногда ради северной экзотики.

Как-то из прокуратуры РСФСР прилетели 4 человека проверять состояние учета и статистику. Подозрительно много на наш крохотный коллектив. Я добросовестно им выложил соответствующие наряды. Они со скучающим видом начали их перелистывать. Пошли на обед. Один из них отозвал меня в сторонку и говорит: «Слушай, на кой нам нужна эта статистика? Ты покажи нам северную природу». Я мог бы и сам догадаться, но кто их знает, москвичей, что у них на уме. В общем, снарядили катер и – вниз по течению по матушке-Оби. В пути разжились приличным куском свежего осетра. Пристали к берегу, побывали в чуме, ознакомились с бытом рыбаков. Смотрели они на все это без восторга. Оживились, когда увидели у берега привязанных на кукане живых осетров. Похоже, они не прочь были забрать их с собой. Но эта рыба числилась сданной в приемный пункт, были оформлены соответствующие документы.

Будучи через год в кадрах прокуратуры СССР, услышал байку, что, мол, на Севере осетров выпасают привязанными на веревке.

Ну а эта наша поездка продолжалась. Высадились на высокий берег, развели костер, сварили отличную уху. Гости после посиделок разбрелись по тундре. Один подобрал валявшиеся старые олени рога, которые он увез с собой в Москву.

Впервые за время существования прокуратуры округа побывал у нас прокурор РСФСР Кравцов Борис Васильевич, Герой Советского Союза. Прилетел он по приглашению 1 секретаря окружкома партии Миронова К.И. и Рыбникова Б.И. – прокурора области, который и предупредил о прилете. Встретив их в аэропорту, мы уехали в гостиницу.

Встречающие и сопровождающие ушли, мы остались с Борисом Васильевичем, за рюмкой коньяка просидели до утра. Пришли Рыбников Б.И., Миронов К.И. и Тишин Н.П. – председатель окрисполкома и предложили ехать на катер, на что Кравцов заявил, что мы, мол, и так с Костко хорошо сидим. Решили заехать в прокуратуру и потом продолжить прогулку по реке. В прокуратуре Кравцов поговорил с сотрудниками. Ветрогон напросился взять и его в поездку. Никто не возражал. Естественно, катер (прогулочный) был обеспечен всем необходимым. Стол был накрыт. До начала застолья, по просьбе Кравцова, мы с ним на лодке съездили на берег и побывали в чуме. Остальные остались на катере. В чуме мне доводилось неоднократно бывать и ночевать. При выходе из чума Кравцов заметил: «Здесь жизнь остановилась несколько веков назад».

По возвращении на катер продолжили общаться «без галстуков». На столе было что выпить и чем закусить. Естественно, была строганина из свежемороженого муксуна, уха из осетра и другой породы рыбы, слабосоленая нельма и т.д. Под такую закуску все с удовольствием производили тосты. Только Ветрогон не к месту заявил: «А я не пью!» На что Кравцов заметил: «А зачем тогда поехал с нами?» А Рыбников добавил: «Давай пей, ничего не случится!» – его

любимое, часто повторяемое словосочетание «ничего не случится». Все остальные из строя не выбивались. А что касается Рыбникова, я много раз бывал на совещаниях в командировках во многих городах вместе с ним, вечером в его номере, как правило, собирались прокуроры областей, представители прокуратуры России на «веселый» ужин. Рыбников был душой компании, мог всю ночь просидеть с гостями, исправно выпивать и утром быть трезвым.

На следующий день мы вместе с Кравцовым и Рыбниковым полетели в Тюмень. Улучив момент, Рыбников спросил у меня: «Ты не просил Кравцова о переводе в какую-нибудь область поужнее?» Я ответил, что как-то неловко просить об этом, у меня даже мысль не возникала предлагать свою кандидатуру. На что он заметил: «Ну и напрасно, сам он не догадается».

В общем, я оставался работать в Салехарде. Нас с прокурором Ханты-Мансийского округа Бесперстовым А.С. приглашали на все совещания, семинары, расширенные коллегии, которые проводились прокуратурами РСФСР и СССР. Побывал я на этих мероприятиях в го-

родах Куйбышеве, Горьком, Перми, Свердловске, Красноярске, Новосибирске и неоднократно в Москве.

Одно совещание особенно запомнилось. Проходило оно в мраморном зале здания прокуратуры СССР, вел совещание (возможно, коллегию) Генеральный прокурор Р.А.Руденко. В президиуме находились: секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров, министр внутренних дел, председатели КГБ, Верховных Судов РСФСР, СССР и другие высокопоставленные лица. Согласно регламенту от нашей области должен был выступать прокурор Ханты-Мансийского округа Бесперстов А.С. Когда до его выхода на трибуну оставалось выступить трем ораторам, Бесперстов мне сообщил: «Коля, я оставил текст своего выступления в гостинице. Что делать?» Я ему посоветовал потихоньку покинуть зал и бежать в гостиницу. Хорошо, нас расселили в гостиницу «Украина», недалеко от Прокуратуры СССР.

В то время выступать на ответственных совещаниях, не имея письменного текста, запрещалось. Его содержание зачастую накануне проверялось и редактировалось кем-либо из представителей прокуратуры. После выступления текст передавался в президиум.

Как только мой сосед вернулся, едва успел отдышаться, Руденко с характерным украинским акцентом заявил: «Выступает прокурор Ханты-Мансийского округа т. Бесперстов А.С.» (с ударением на первый слог).

Выступления Бесперстова я слышал неоднократно. Начиная он, как правило, с описания огромных просторов Югорской земли, сурового северного климата, богатейших природных запасов нефти и газа. В то время уже интенсивно началось

освоение указанных природных богатств, строились большой протяженностью нефте- и газопроводы, железные дороги, возводились новые города. Об этом постоянно информировали газеты, журналы, радио и телевидение на всю страну. Обо всем, как строится и развивается округ, Бесперстов, как истинный северянин, говорил красочно, эмоционально и с большим вдохновением.

Затем обстоятельно излагал о проделанной работе в рамках борьбы с преступлениями и правонарушениями и достигнутых положительных результатах в осуществлении прокурорского надзора по укреплению социалистической законности, защите прав и свобод граждан. Заканчивал свое выступление заверением о безусловном выполнении задач, поставленных перед правоохранительными органами, по совершенствованию их деятельности.

После выступления Бесперстов в зал не вернулся. Я начал беспокоиться, поскольку оратор накануне вечером для вдохновения прилично принял спиртного. Оказалось, его кто-то из президиума пригласил за кулисы в отдельную комнату, где был накрыт стол. Там угостили и попросили подробнее рассказать о северной жизни.

В перерыве в фойе я поближе подошел к Генеральному Руденко. После его выступления в качестве обвинителя на Нюрнбергском процессе он был всемирно известным, популярным человеком. Ему же довелось принимать меры к устранению нарушений законности, допущенных в годы сталинских массовых репрессий. Руденко было уже далеко за 60, выглядел он болезненным, уставшим человеком. Но его выступления были всегда интересными и поучительными. По окончании совещания он прошел к лифту, чтобы подняться к себе в кабинет. Никакой охраны с ним не было, никто его не сопровождал.

На проходивших совещаниях я старался записать тезисы выступлений, задачи, которые ставила вышестоящая прокуратура. По возвращении собирал работников аппарата, прокуратур Салехарда, Лабитнанги, в отдельных случаях и всех сотрудников прокуратур, сообщал о сути состоявшихся совещаний, кто выступал, какие обсуждались вопросы и какие приняты решения, что необ-

Сфотографирован в период работы прокурором округа. 1978 г.

ходимо в ближайшее время осуществить.

Помимо совещаний запомнились и культурные мероприятия. Так после совещания в г. Куйбышеве руководство прокуратуры области организовало поездку в г. Тольятти на автомобильный завод ВАЗ. В сборочном цехе мы увидели сборку автомашины, начиная с кузова, к концу конвейера съезжала собранная «живая» шестерка. На обратном пути заехали в сауну, бассейн. В Красноярске побывали на гидроэлектростанции, любовались знаменитыми каменными столбами. В Горном Алтае нас свозили на красивейшее горное озеро с водопадами. В Новосибирске побывали в Академгородке, совершили по городу экскурсию.

В общем, как говорится, жизнь продолжалась по накатанной дорожке, довольно напряженно в рабочие дни. В выходные, если позволяла погода, на лыжах с семьей уходили за город, летом – на рыбалку, охоту. Водителем был Василий Смертюк, местный житель, заядлый рыбак, охотник. В прокуратуре была лодка, на ней мы с ним уезжали в пятницу и возвращались в воскресенье вечером. Другие сотрудники окружной и городской прокуратур охотой и рыбалкой не интересовались. Пару раз с собой брали Стафеева. В первую поездку он просидел у костра. Второй раз на Оби штормом нас выбросило на берег вместе с лодкой и заброшенными сетками. Ветер так внезапно налетел, что мы не успели пристать к берегу, где и просидели сутки, пока на катере нас не разыскали. Об охоте, рыбалке за долгие годы работы следует рассказывать или описывать особо.

Оценка работы в должности прокурора дана в совместном постановлении окружкома партии и исполкома окружного Совета н.д. от 22.05.1980 года с ходатайством перед Тюменским обкомом КПСС и исполкомом областного Совета народных депутатов о представлении к присвоению почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР» за многолетнюю и безупречную работу в органах прокуратуры округа, за заслуги в укреплении социалистической законности, активное участие в общественной жизни и в связи с 50-летием Ямало-Ненецкого автономного округа.

Более развернутая характери-

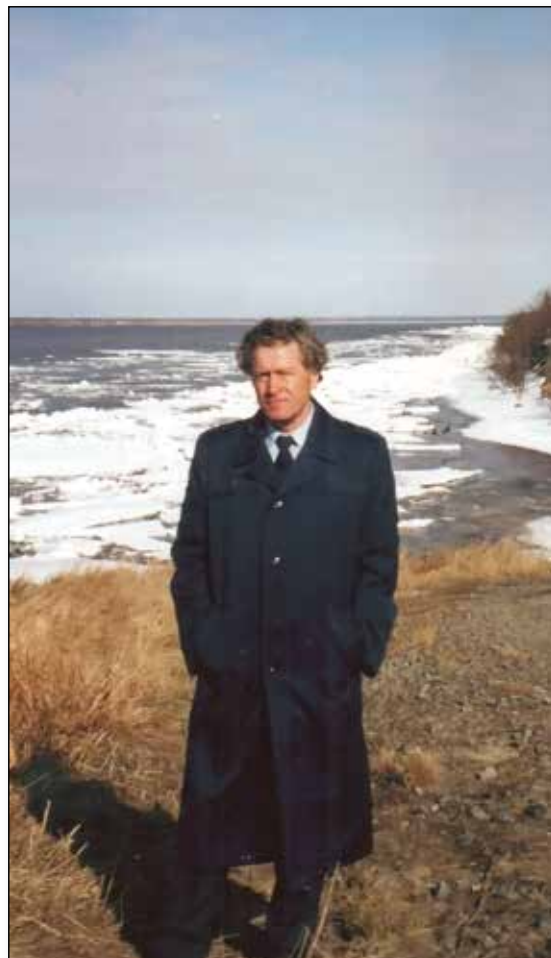
стика подготовлена от партийной организации суда и прокуратуры, утвержденная на бюро 16.05.1980:

«Тов. Костко Н.Б. с июня 1975 г. работает прокурором Ямало-Ненецкого автономного округа. К исполнению своих обязанностей относится исключительно добросовестно. В 1979 году с целью улучшения организации работы прокуроров города и районов округа, контроля и оказания им практической помощи по исполнению постановлений партий и правительства по усилению борьбы с преступностью и нарушениями социалистической законности проведены лично прокурором округа проверки на местах в Пуровском, Ямальском и Приуральском районах, а также в г.г. Салехарде и Надыме.

Вопросы улучшения деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступлений периодически рассматривались на заседаниях координационного Совета при прокуратуре округа и под его руководством.

В 1979 году лично тов. Костко дважды сделаны доклады на заседании исполкома Ямало-Ненецкого окружного Совета народных депутатов по вопросу соблюдения соц. законности в округе, а также доклад на активе контрольно-ревизионных органов. По информации прокурора округа «о неудовлетворительном состоянии сохранности кооперативной собственности в межрайрыболовпотребсоюзе, незаконного использования авиации и расточительства материальных ресурсов при авиаперевозках предприятиями нефтегазодобывающей промышленности и геологии» решением бюро окружного комитета партии должностные лица указанных предприятий и организаций привлечены к строгой партийной ответственности.

Работники прокуратуры под руководством тов. Костко Н.Б. в 1979 году

На берегу р. Оби, в окрестностях г. Салехарда

значительно активизировали работу по общему надзору, организовав 215 проверок в округе и 25 проверок по аппарату. По результатам проверок внесено 87 представлений, 25 протестов, 44 информации.

Большое внимание тов. Костко Н.Б. уделяет правовой пропаганде. В течение последнего года им прочитано 43 лекции, сделано 12 выступлений по окружному радио и опубликовано 11 заметок на страницах газет и журналов.

На протяжении последних 4-х лет, поддержание обвинения было обеспечено свыше 67% рассмотренных дел, каждое четвертое дело рассмотрено по месту совершения преступления, а 20% дел – с участием общественных обвинителей.

Широко использовались прокуратурой предусмотренные законом меры по борьбе с пьянством, хулиганством, хищениями, тунеядством, рецидивной преступностью в округе.

За последние два года в округе

значительно активизирована борьба с хищениями соц. собственности, нарушениями государственной дисциплины.

Проведенная работа оказала влияние на сокращение тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан на 15%. Резко сократилась преступность среди несовершеннолетних в округе на 32,6%.

Несмотря на большой рост населения в связи с интенсивным развитием газовой промышленности, строительством железной дороги Сургут-Уренгой, преступность в округе практически остается на одном уровне.

Тов. Костко Н.Б. занимается большой общественной работой. Является депутатом Ямало-Ненецкого окружного Совета народных депутатов, членом Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС, редактором радиожурнала «Человек и Закон», много выполняет разовых партийных поручений.

Тов. Костко Н.Б. много лет был членом бюро партийной организации суда и прокуратуры, неоднократно избирался секретарем бюро. Партийные поручения исполнял и исполняет добросовестно. Как коммунист тов. Костко Н.Б. принципиален, требователен, нетерпим к недостаткам.

Отличительной чертой его характера является честность, простота, прямота суждений. В быту он скромнен. Является хорошим семьянином. Морально устойчив.

Политику партии и правительства понимает правильно, реализует ее на практике».

По истечении первого Конституционного срока приказом прокурора РСФСР от 30.07.1980 я был назначен на второй 5-летний срок. Незадолго до окончания 5-летнего срока мне Рыбников Б.М. вновь предлагал дать согласие занять должность прокурора Ханты-Мансийского округа. Я отказался. Было твердое намерение уезжать с Севера. Жена отработала здесь 26 лет учителем, ее здоровье было неважное. Я на Севере 23 года, дети подросли, пора было выбираться на «большую землю». Наша семья — мама, два брата и две сестры — уже перебралась в Тюмень.

В начале 1981 года последовало от Рыбникова предложение дать согласие на перевод меня заместителем прокурора области. Я после некоторых раздумий согласился. Статус заместителя прокурора области был выше, чем прокурора округа. Это с 22 июня 1992 года все развернулось на 180 градусов, когда прокуратура округа была выведена из подчинения прокуратуры области, получила статус равный прокуратуре области.

Вообще-то уезжать не хотелось. Здесь прошли лучшие молодые годы, образовалась семья, много было хороших товарищей, знакомых, коллег по работе. Отношения с горрайпрокурорами были хорошие.

От вышестоящих прокуратур особых нареканий не было. У жены работа протекала нормально. Многие ее в городе хорошо знали. В самой крупной школе №1 она проработала более 20 лет, ей было присвоено звание «Отличник просвещения». Но пора было уезжать, определять детей для дальнейшей учебы и самим переходить на оседлый образ жизни.

Приказом прокурора РСФСР от 13.03.1981 я был назначен заместителем прокурора области и членом коллегии. Возник вопрос: кому передавать прокуратуру? Прокурор области предложил переговорить с первым секретарем ОК КПСС, и если не будет кандидатуры на месте, то будут подбирать в соседнем округе. Миронову я назвал первую кандидатуру Ветрогона М.Ф., но Миронов категорически отверг ее, заявив, что о нем не может быть и речи. Второй была кандидатура Стафеева Л.Г., но с ним я предварительно переговорил, и он не согласился, сказав при этом: «Какой из меня прокурор округа?». Действительно, ни одного принципиального вопроса он не решался принять, не заручившись моей поддержкой. При этом не забывал сказать: «Если что, ты меня защищай». Миронов предложил прийти вместе со Стафеевым. Дорогой Стафеев еще раз подтвердил, что не даст согласие занять освободившуюся должность.

У Миронова, к моему немалому удивлению, без всяких возражений и оговорок Стафеев дал согласие быть прокурором округа. Миронов здесь же позвонил Рыбникову и, в принципе, вопрос был решен. Дальше, как говорится, дело техники. Когда возвращались обратно, я Стафееву заметил, что он передо мной «выделялся», мог бы и мне прямо сказать о своем согласии. Зачем меня было ставить в нелепое положение? Тогда же его спросил: «Как же Вы будете работать с Ветрогоном при таких неприязненных отношениях?» Я не стал ему говорить о том, как Ветрогон был возмущен, что Стафеева представили к Заслуженному, считая, что он не достоин этого звания. Ветрогон предложил переговорить с Мироновым и отозвать кандидатуру Стафеева. Мол, из-за него и твоя кандидатура не пройдет. Я отказался, посчитал, что это было бы крайне непорядочно с моей стороны.

Еще не вступив, фактически, в новую должность, я получил указание от прокурора области вылететь в г.

Надым для проверки жалобы гр. Листовца. В течение 3-х дней проверил жалобу и вылетел в г. Тюмень.

Оставлял я прокуратуру в рабочем, так сказать, состоянии. Прокуратура моими стараниями размещена нормально, проведен необходимый ремонт, есть нужная мебель. Поскольку столы для кабинета купить было не на что и негде, пришлось в г. Лабитнанги попросить руководителя ремесленного училища изготовить приставной журнальный столик и стол для совещаний, за которым могли разместиться все горрайпрокуроры, слушать и записывать в приемлемых условиях. До этого прокуроры сидели на стульях вдоль стенок, как школьники.

В течение 20 лет в этом здании работали прокуроры округов. Кадры были подобраны и имели необходимый опыт работы, все имели квартиры. Горрайпрокуратуры были укомплектованы профессиональными кадрами. Имеющаяся техника была в рабочем состоянии.

Возвращение в Тюмень

30 марта 1981 года я прибыл в прокуратуру области, которая располагалась в знакомом мне здании по ул. Республики №31, где мне довелось ранее работать прокурором следственного отдела (с 23.02 по 30.09.1960).

Моим рабочим местом стал кабинет бывшего первого заместителя Псянчина Ю.В., которого 13 января 1981 года назначили прокурором области вместо Рыбникова Б.И., переведенного на должность прокурора Краснодарского края. Как водится, побывали в обкоме партии вместе с Псянчиным. В административном отделе, в принципе, меня знали, но порядок есть порядок. Здесь же предварительно обсудили вопрос о предоставлении мне квартиры, созвонились с руководством горисполкома, получили обещание, что квартирный вопрос будет решен в ближайшее время. По возвращении из обкома Псянчин заявил, что дальше, мол, квартирный вопрос решай сам, а у него нет времени. Я встретился с председателем горисполкома, который пообещал, что в течение 2-3 месяцев получу квартиру, а в настоящее время свободных квартир нет. Действительно, по истечении этого срока была выделена 3-комнатная квартира в панельном

доме на 2-м этаже по ул. Немцова, 41, кв. 41. Псянчин «нашел» время, изъявил желание посмотреть квартиру и заметил, что если она ему понравится, то он ее займет, а его квартира перейдет мне. Видно квартира ему не очень понравилась, претендовать на нее он не стал. К тому же они с женой занимали 3-комнатную квартиру недалеко от облпрокуратуры. В прокуратуре области меня встретили без особого восторга. Создавалось впечатление, что я прибыл с другой области и здесь меня никто не ожидал. Коллективу из руководства не представили. Хотя меня почти все знали, но так было принято. Здесь я по-настоящему осознал, что значит прийти в новый коллектив, где уже сложились определенные отношения, традиции. Некоторые рассчитывали и даже намекали, что эту должность, по их мнению, должен был занять другой работник, которого они хорошо знали, имели на него какие-то виды или планы решать с его помощью свои проблемы. С севера редко кто назначался в руководство прокуратуры области. За все время существования прокуратуры округа и области только Рыбникова и меня назначили заместителем прокурора области. Между тем, прокуратура округа «старше» прокуратуры области на 13 лет и, следовательно, там могли быть более опытные работники.

В первую очередь не совсем устраивала моя кандидатура Псянчина, который считал, что я добился этого назначения через Рыбникова и знакомства с руководством прокуратуры РСФСР. Но главное недовольство Псянчина заключалось в другом.

Меня назначили, не спрашивая его мнения, а тем более – согласия. Этим было глубоко уязвлено его большое самолюбие. По натуре он был трусоват и особенно боялся вышестоящего начальства и даже Рыбникова, с которым рядом проработал много лет. Псянчин сам, будучи в командировке в прокуратуре округа, говорил, что страшно боится Рыбникова. Мол, у него отличные отношения с заместителем Генерального прокурора Найденовым, прокурором РСФСР Кравцовым, его заместителем Трубиным и стоит Рыбникову попросить их, меня уволят. Рыбникова он не уважал, завидовал ему, отзывался о нем скверно.

Зная о том, что у меня хорошие

отношения с Рыбниковым, лично знаком с Кравцовым, у Псянчина не хватало смелости высказывать открыто свое недовольство моим назначением. А возможно, во мне он видел конкурента. Как ни как я более 10 лет отработал следователем прокуратуры, прокурором района, 9 лет заместителем прокурора округа, и почти 6 лет прокурором округа. Он же всю жизнь просидел в аппарате прокуратуры области, пересаживался с одного кресла на другое, проработав всего 8 месяцев следователем, затем 10 лет прокурором следственного отдела, 10 лет старшим помощником прокурора по гражданским делам и 10 лет заместителем прокурора области. По существу низовой работы, а именно работы прокурора района, он не знал, практических навыков организации работы горрайпрокуроров не имел. К должности прокурора области я не стремился. Для меня была первоочередная задача — освоиться в этой должности, обжиться на новом месте, поскольку уезжать из Тюмени не собирался. Строить интриги, вредить или «подсиживать» Псянчина я не думал, это не в моем характере.

В то время первым заместителем назначили Уткина Ю.А.. Он курировал общий надзор и надзор по гражданским делам, хозяйственную часть и бухгалтерию, Аршавский М.Я. — следствие. Являлся одновременно заместителем прокурора области и начальником следственного отдела. У меня — отдел (впоследствии управление) по надзору законности приговоров по уголовным делам, отдел по надзору за исполнением законов в местах лишения свободы, пропаганда, канцелярия, гражданская оборона, научная организация труда (НОТ).

Первоначально складывалось не все гладко. В судебном отделе сформировалась группировка во главе с Броуном, к нему примкнули Немкова и Владимиров. Они направили коллективную жалобу в прокуратуру РСФСР, в которой просили освободить от должности начальника судебного отдела Золотавина, не справляющегося, по их мнению, с возложенными на него обязанностями. Золотавин Л.Ф. — участник войны, имеет правительственные награды, длительное время работал прокурором следственного отдела, свои обязанности знал, старался добросовестно их исполнять, был

аккуратен, требователен, принципиально реагировал на допускаемые нарушения. Конечно, не всегда находил нужный тон в обращении с подчиненными. Большинство в отделе и руководство прокуратуры Золотавина поддержали. Достаточных оснований для освобождения от должности не имелось. Очевидно, Броуна «заело», что его, единственного в прокуратуре кандидата юридических наук, не назначили заместителем прокурора области и даже начальником отдела.

Впоследствии, повздорив с Псянчиным, он уволился, ушел преподавателем в институт. В отделе после этого никаких серьезных конфликтов не возникало. Потом время от времени возникали проблемы между начальником отдела по надзору за местами лишения свободы Игнатьевым и его маленьким коллективом. Игнатьев — старейший работник облпрокуратуры, участник войны, долгие годы возглавлял этот отдел. Специфику надзора знал хорошо. По характеру педантичный, требовательный, заставлял сотрудников отдела досконально разбираться с каждым нарушением закона в местах лишения свободы, добиваться их устранения. Не всем это нравилось. Приходилось вмешиваться, призывать к порядку нерадивых, а от некоторых избавляться. Словом, начались рабочие будни, рутинная работа. Вообще-то, поначалу мне толком вникнуть в эту рутинную работу не давали постоянные командировки. Не успел вернуться из Надыма, как через неделю выехал в Нижнюю Тавду для проверки фактов, изложенных в заметке «Поправляют — не исправляется» о недостатках в работе прокурора района Михайловского. Через 10 дней (с 20.04 — 5.05.81) в составе бригады обкома партии выехал в г.г. Тарко-Сале, Новый Уренгой, Ноябрьское, Салехард для проверки работы правоохранительных органов.

Долгие годы мама ждала моего возвращения с Севера на постоянное место жительства. Дождалась и, словно исполнила главный завет своей жизни, через два месяца ушла из жизни. Похоронив ее, я вынужден был на следующий день уехать с бригадой для проверки выполнения приказов Генерального прокурора №1 и №45 прокуратурой г. Тобольска. Вернувшись, через два дня улетел в г. Салехард по заданию обкома

партии для проверки личных дел сотрудников прокуратуры. В общем в том году выезжал в командировки 7 раз, в 1982 г.—6 раз, 1983 г. — 14 раз, 1985 г. — 12 раз и т.д.

Сам Псянчин в районы с проверками не выезжал. Только лишь на совещания, которые проводились вышестоящими прокуратурами, выезжал за пределы области. Уткин и Аршавский в командировки выезжали гораздо реже, а меня словно испытывали на прочность.

Будучи с последней проверкой в Салехарде, возвращаясь, забрал с собой жену с сыном. К тому времени учебный год закончился. Старший сын в это время учился в Свердловском юридическом институте. По возвращении из командировки я ушел в отпуск и занялся решением домашних проблем. Вывез со склада пристани вещи, книги. Купил легковую машину на Северной базе согласно очередности, которая подошла еще в Салехарде. Знакомые северяне, бывшие сотрудники колоний и милиции помогли с получением участка под дачу и с оформлением приобретенного гаража. Из руководства прокуратуры никто ни содействия, ни помощи не оказывал. Хорошо, в городе жили родные, они чем могли помогали обжиться на новом месте. Возвратившись из отпуска, стал обстоятельно изучать сложившуюся обстановку в отделах, особенно в уголовно-судебном. Большая проблема была с укомплектованием отделов нужными кадрами, их катастрофически не хватало. Вынуждены были приглашать на работу далеко не лучших специалистов из числа адвокатов, работников милиции, юристов, работающих на предприятиях. Даже для работы в канцелярию с большим трудом находили секретарей-машинисток. Через газету давали объявления, приглашали на работу. На ту зарплату, которую мы предлагали, желающих не было.

Рабочий день был плотно заполнен рассмотрением жалоб, изучением и утверждением заключений, как по жалобам, так и по делам, рассматриваемым на коллегии. Участие в заседании президиума областного суда по рассмотрению уголовных и гражданских дел. Хотя это обязанность прокурора области, мне приходилось, как правило, принимать участие, давать заключение. Постоянно были на контроле вопросы

своевременности проверок в колониях, принимать личное участие проводить приемы осужденных, совершать обходы камер содержания и решать другие повседневные текущие вопросы.

Осенью 1981 года переселились с ул. Республики 31 во вновь построенное здание на ул. Ялуторовская, 42. Здесь были более приемлемые условия для работы.

Примерно в это время пригласил к себе Псянчин и предложил поддержать обвинение по делу Либермана – директора лесобазы. Кроме него привлекались еще несколько должностных лиц. Всем было предъявлено обвинение в хищении в особо крупном размере, злоупотреблении должностным полномочием. Дело расследовалось следственной частью прокуратуры области совместно с ОБХСС УВД. Оно состояло из 40 с лишним томов, большого количества бухгалтерских документов, заключений строительных, технических, финансовых экспертиз. Защиту подсудимых осуществляли московские, ленинградские и тюменские адвокаты. Лесобазы в то время была самым крупным предприятием города. Либерман пользовался покровительством руководства обкома и облисполкома. Был хорошо известен в городе, поэтому привлечение его к уголовной ответственности вызвало большой общественный резонанс. Не оставалось без внимания руководство области. Понятно, что при неблагоприятном исходе рассмотрения дела могут последовать неприятные выводы.

Я думаю, Аршавский (начальник следственного отдела) и Антипин (начальник следственной части) понимали все и поэтому обратились к Псянчину, чтобы обвинение поддерживалось на уровне заместителя прокурора области.

Помимо своей основной деятельности предприятие по переработке древесины, лесобазы, под руководством Либермана осуществляло строительство в живописном месте на берегу озера «Лебяжье» элитной гостиницы для размещения высших должностных лиц, прибывающих в обком или облисполком. По окончании строительства были выявлены многочисленные нарушения, позволяющие совершать хищение и растрату государственных средств. Кроме того, закупленную в Японии электротехнику Либерман присва-

ивал, а затем «дарил» должностным лицам обкома партии.

От предложения Псянчина садиться в процесс по делу Либермана я начал отказываться, заявив, что я не могу по-настоящему заняться работой отделов, т.к. меня постоянно отправляют в командировки. К тому же до начала рассмотрения дела осталось совсем мало времени, а без тщательного изучения материалов садиться в процесс и сидеть там «пешкой» я не хотел.

Псянчин запсиховал, начал меня упрекать, что я не понимаю всей важности поручаемого мне задания, «очевидно, боишься, что не справишься». В общем, говорил много и долго. Я ему заметил: «Если ты такой смелый, иди, садись в процесс, покажи пример, как отлично можешь разобраться в материалах хозяйственного дела и на высоком уровне поддержать обвинение». Но он воспринял мое предложение как оскорбление и неуважение к его высокому должностному положению. Я понимал, что мое участие в процессе для Псянчина как «туз козырный в рукаве», всегда для него будет беспроигрышным. Будет на кого списать в случае неблагоприятного исхода.

Но куда деваться, я на службе, должен выполнить поручение, нравится мне или нет. Пришлось засесть за изучение материалов. Дело поручили рассматривать самому опытному члену областного суда. Кокорин Н. Н. – участник войны, квалифицированный специалист, мудрый человек. Он не спеша, обстоятельно в суде старался исследовать все материалы дела. В процессе рассмотрения было проведено несколько экспертиз. В зале суда присутствовали многочисленные родственники и знакомые Либермана, жена и молодая любовница сидели мирно рядом. С небольшими перерывами процесс длился в течение полугода. Обвинительную речь я произносил весь рабочий день, с перерывом на обед. На заключительную часть процесса пришло большое количество людей. Они заполнили не только зал заседания, но и расположились на всех этажах в фойе и лестницах. Выступление сторон транслировали по радио в здании облсуда.

Приговор Кокориным был написан грамотно, полно и объективно проанализированы доказательства, правовая оценка содеянного дана правильно. Все подсудимые осуж-

дены к лишению свободы. Либерману мера наказания назначена более высокая с учетом его организующей роли и прежней судимости.

Верховный суд лишь внес некоторые коррективы в приговоре и двум осужденным незначительно снизил наказание. В целом приговор был оставлен без изменений.

По приказу прокурора РСФСР многие работники следственного отдела, в т.ч. Аршавский М.Я., Антипин Г.П., поощрены, выданы подарки и получены денежные премии. Мне объявили благодарность.

Вскоре после рассмотрения этого дела побывал в прокуратуре области Кравцов Б.В. Зашел ко мне в кабинет, попили чаю, вспомнили его поездку на Север. До него, очевидно, дошли слухи о нашей стычке с Псянчиным. Кравцов спросил меня: «Может быть тебя перевести в другую область?» Я отказался. Уезжать мне никуда не хотелось. Считаю себя вполне коммуникабельным человеком. Был уверен, что отношения наши с Псянчиным урегулируются. Кравцов мне сказал, что к нам больше не приедет. Рыбников уже уехал в Краснодар, а с Псянчиным общаться, очевидно, ему не хотелось.

Об этом деле еще долго помнили. Как-то на коллегии был поднят вопрос об участии в судебных заседаниях руководителей прокуратуры, начальников управлений отделов. Старший помощник отдела по гражданским делам Тебякина В.П. заметила: «Костко, поддержав обвинение по делу Либермана, заработал на несколько лет вперед право не выступать в суде».

Через тридцать лет мой однокашник Солобоев Ю. Я. рассказал, что перед рассмотрением дела Либермана они со страхом ожидали и боялись, что кого-нибудь из них пошлют в этот процесс. А начальник уголовно-судебного отдела Золотавин Л.Ф. прямо заявил, что если ему предложат участвовать в деле Либермана, он тут же уйдет на больничный или ляжет в больницу. «Болячек» на этот случай имелось достаточно, в лечебных учреждениях его знали хорошо. Но Псянчин предпочел меня.

Поначалу у Псянчина складывалось по службе все хорошо. В первый год работы присвоили «генеральское звание», наградили к 50-летию орденом «Знак почета». Только непонятно, за какие заслуги. Он так возгордился, считая, что достаточно

этих регалий, чтобы все подчиненные его уважали и низко кланялись. Как-то, проходя мимо группы сотрудников, которые сидели курили в коридоре, не обращая внимания на проходившего мимо Псянчина, мне потом Псянчин пожаловался: «Надо же, даже никто не встал и не поприветствовал». Но чтобы тебя уважали, надо добиваться этого своим личным трудом и поведением, а не чиновничьим чванством.

Но как поется в одной блатной песне: «недолго музыка играла». Для нашего прокурора наступила черная полоса, при этом не одна. Словом, «тельняшка» обрела в основном темный траурный цвет.

А все началось для Псянчина с его неудачного выступления на одном ответственном совещании, которое вел Генеральный прокурор Рекунков А.М. По ходу выступления, как нам, вернувшись с совещания, рассказал Псянчин, его несколько раз Рекунков прерывал, а потом, не дав закончить, согнал с трибуны. Для Псянчина это была катастрофа. При его неустойчивой психике это было слишком сильным эмоциональным потрясением. Нам, заместителям, он от души поплакался, посетовал на Генерального. Чувствовалось, что он не скоро отойдет от этого унижительного, тяжелого удара по его самолюбию.

Если бы он знал, что ждет его впереди, пожалуй, добровольно сложил с себя полномочия. Много лет он просидел за спиной Рыбникова, который работал лично сам, умел организовать и заставить других трудиться. Ко всему прочему он интересно и по-деловому выступал на любом самом высоком форуме. Его с интересом слушали не только в зале, но и президиум, руководство прокуратуры. Он пользовался большим авторитетом, поэтому в течение многих лет прокуратура области была на хорошем счету. Проверки ее работы, в т.ч. и Псянчина, проводились редко и были результаты положительные.

Псянчин, видимо, считал, что по «наследству» и к нему перейдут уважение и благоприятное отношение вышестоящих прокуратур. Он глубоко заблуждался в этом и в расчете на покровительство административного отдела обкома партии. На следующий год вновь было назначено совещание, на котором было предложено выступить Псянчину с отчетом о проделанной работе и

устранению недостатков, на которые было обращено внимание ранее. Было известно, что руководить совещанием будет вновь Генеральный.

Это известие повергло Псянчина в панику, он надолго потерял сон и покой, стал раздражителен, свое недовольство стал выплескивать не только на рядовых работников, но и на заместителей. Началась лихорадочная подготовка к составлению злополучного отчета. Ему были представлены все необходимые справки, аналитические данные, нужные примеры. Текст своего выступления писать он никому не доверял. В паническом состоянии писал, переписывал, редактировал свое выступление. Давал читать свое творение и заместителям, но редактировать не разрешал, считая, что лучше никто изложить его «достижения» не сможет.

Мне тоже было дозволено ознакомиться с выстраданным и рожденным в муках эпистолярным сочинением Псянчина. От неоднократной перекройки, изменений и дополнений в нем совсем не осталось здравого смысла. Псянчину сказал, что Рекунков не будет в восторге от такого выступления.

Рекункова я видел неоднократно. Строгий, властный, не терпящий, если прокуроры не владеют обстановкой на поднадзорной им территории. Был свидетелем, как на одном из совещаний он поднял с места в зале одного из прокуроров, задал ему несколько вопросов. Тот не смог дать исчерпывающего ответа. Он здесь же объявил ему, что освобождает его от должности, по возвращении должен сдать дела заместителю. «Приказ получите позднее».

Даже внешне он был полной противоположностью Руденко. Высокий, статный, с пристальным строгим взглядом, с орденскими колодками на мундире, участник войны. Поговаривали, что даже в ЦК КПСС некоторые побаивались его. А что уж говорить про нашего бедного Псянчина.

Вернулся Ювиналий Викторович с поникшей головой и с грустью поведал нам (заместителям), что на этот раз Рекунков его выслушал до конца. «Но зато свое выступление начал с меня и закончил мной, дав унижительную оценку моему выступлению».

Понятно, что всех нас ожидала незавидная перспектива. Псянчин уже перестал надувать щеки, понимал, что Генеральный не оставит его

в покое. Мы тоже не ждали для себя ничего хорошего, понимали, что перепадет и нам, его заместителям, как говорится, «одним концом по барину, другим по мужику».

Вскоре, и года не прошло, нагрянула комиссия ретивых ребят из прокуратуры России с явно выраженными намерениями. После первых дней работы Псянчину бесцеремонно было объявлено, что он не знает положения дел в области, обстановкой о состоянии законности и прокурорского надзора не владеет. Лично сам в города и районы не выезжает, бригады проверяющих не возглавляет, в суды не ходит, в судебных процессах не участвует, колонии не посещает. В общем, не прокурор области, а вроде диспетчера, только раздает задания другим. Самоустранился от непосредственной работы. Псянчин попробовал было «трепыхнуться», даже пригрозил позвонить прокурору РСФСР, но его моментально урезонили. Да и он должен был понимать, приехали они по заданию Генерального, и с какой целью, тоже не сложно догадаться.

Проводимые проверки, выволочка Генерального окончательно сбили с Псянчина чванство, зазнайство, пренебрежительное отношение к подчиненным. До этого, ничуть не стесняясь, заявлял, что у него ума и знаний больше, чем у всех сотрудников вместе взятых. Он наивно полагал, что если окончил институт с отличием, то самый умный и способный руководитель. Между тем, жизнь зачастую показывает, что наличие определенной суммы знаний какого-либо предмета не свидетельствует о том, что человек обладает выдающимися способностями. Еще надо уметь правильно ими распорядиться, достойно применить их на практике. Иногда бывает так, что «умная голова дураку достается», а руководителю коллектива необходимо обладать организаторскими способностями, создавать спокойную, рабочую атмосферу в коллективе, уметь строить правильные отношения с подчиненными, уважать их труд, вдохновлять их на достижение положительных результатов и, естественно, быть лидером, не бояться брать на себя ответственность, личным примером подтверждать свои призывы работать лучше. Недаром говорится, что «руководить – не руками водить». Между тем, немалое значение имеет умение организо-

вать работу проверяющих, особенно прибывающих из столицы. Известно, что любые совещания, проверки делятся на официальную часть и не менее важную культурную, включающую в себя посещение достопримечательностей города, района, увеселительных заведений и т.д., и руководителю не пристало сторониться вот этой, второй части мероприятий, опекать «бригадира» проверяющих.

Припоминается такой случай. В прокуратуре области проводилось какое-то совещание или целевая проверка. Возглавлял «москвичей» заместитель прокурора РСФСР Н.С. Трубин, между прочим, довольно умный интересный человек. Окончил в свое время Свердловский юридический институт, через несколько лет был направлен на Кубу для оказания помощи в подготовке издания уголовного кодекса. За год пребывания там изучил испанский язык, защитил на этом языке кандидатскую. Встречался с Ф. Кастро. Так вот, Трубин изъявил желание поехать в Ялуторовск, посетить музей декабристов. Меня пригласил Псянчин и предложил его сопровождать. При этом добавил, что он не поедет, мол, заместитель прокурора не его уровень. Вот так! Очевидно, он считал, его уровень – прокурор СССР и РСФСР, не меньше. Я позвонил прокурору Ялуторовска Румянцеву, он организовал посещение музея, затем наведальсь в ресторан, побывали у казахов, которые угостили нас своими национальными блюдами. Возвращались в хорошем настроении. Трубин у меня спрашивал, почему Псянчин не поехал. Пришлось сообразить, что его вызвали на совещание в обком партии. Но он, по-моему, не поверил. Во всяком случае, высказал неудовольствие в адрес Псянчина.

Но вернемся к деятельности проверяющей комиссии.

Она продолжала плодотворно работать. Посетив прокуратуру Центрального района, которую возглавлял Сычков Г.Н., родственник Псянчина (женаты на сестрах), проверяющие выявили какие-то нарушения, принудили Псянчина направить представление в Генеральную об освобождении от должности Сычкова. Последний до конца жизни не мог этого простить Псянчину.

Вылетев на Север, там «накопали» материал на прокурора г. Лабитнанги Саевича С.З. и тоже поставили во-

прос о его освобождении. Точно не помню, в тот раз или позднее, обнаружив какие-то погрешности в следовании конкретного дела, освободили от должности заместителя прокурора области Аршавского М.Я.

Время от времени в уничижительной форме, доходящей до оскорблений, допрашивали Псянчина. В их отсутствие он возмущался, грозился позвонить в Москву. Но никуда не звонил. В общем, была «буря в стакане воды». Чисто по-человечески его было жалко. Невольно возникал вопрос: «И зачем тебе это было нужно?» Сидел бы первым замом, сохранил бы здоровье и уважение.

Не хватало у Псянчина ни духу, ни силы воли принципиально возразить проверяющим. Его друзья из административного отдела обкома партии не вмешивались, хотя по их инициативе и при их содействии он был назначен на эту должность.

Во время проверки меня тоже пытались «задействовать». По предложению комиссии ко мне в кабинет зашел начальник отдела кадров Пахомов (оголтелый интриган, не очень образованный, который вместо «поезжай» или «уезжай» говорил «ехай») и попросил сходить в обком партии и высказать мнение партийной организации о невозможности оставления в указанной должности Псянчина. Я ответил, что доносить на Псянчина не собираюсь, партийная организация меня на это не уполномочивала, а что считаю нужным, выскажу в глаза.

К тому времени я несколько лет был секретарем парторганизации.

После года работы, перед отчетно-выборным собранием, инструктор отдела обкома партии Журавлев предложил дать согласие возглавить парторганизацию облпрокуратуры. До этого секретарем был мой однокашник Солобоев Ю.Я. и, по их мнению, он с этим партийным поручением не справился. А у тебя, мол, в этом направлении солидный опыт, был секретарем в Красноселькупе, Салехарде, избирался членом бюро райкома и окружкома. Я категорически отказывался, объясняя большой загруженностью, приводил другие доводы. Но Журавлев продолжал настаивать и, наконец, заявил, что на партийном собрании будет лично рекомендовать мою кандидатуру. Вопрос этот согласован со вторым секретарем обкома партии, курирующим административные органы. Я знал, что Журавлев и Псянчин поддерживают дружеские отношения. Журавлев перешел в обком из облпрокуратуры. Они знали друг друга с давних времен. Как мне доверительно поведал Аршавский, что они трое «дружат семьями».

Меня, естественно, избрали секретарем парторганизации. Известно, что «кто везет, того и нагружают». После окончания проверки состоялась коллегия, на которой были доложены результаты. Я тоже выступил на коллегии, указал на серьезные упущения в работе Псянчина. Присутствующий

Проверки - проверками, но надо выполнять и повседневную работу

на коллегии Журавлев высказал мне свое неудовольствие. Почему, мол, своевременно не информировал обком. Можно подумать, что он не был информирован. «Доброжелателей» хватало и без меня. К тому же он постоянно общался с Псянчиным лично. Через некоторое время Псянчина выдернули в Москву. Его не было несколько дней. Уткин позвонил в кадры, поинтересовался, где Псянчин, и что с ним. Ему ответили: «Вашего «жирного кабана» водят по отделам и управлениям, как редкий музейный экспонат». Он действительно был довольно полный, с огромной головой и одутловатым лицом. Весь какой-то рыхлый, похоже, никогда не занимался физическим трудом, тем более спортом.

Решением коллегии он был освобожден от должности. Отработал он прокурором области не многим более 3 лет.

Псянчин определился работать заместителем председателя областного суда по гражданским делам. Председателем облсуда был его хороший знакомый, бывший инструктор обкома партии Беляев В.Н.. Уйдя на пенсию, Псянчин несколько лет работал юристом на заводе.

Мы особо не печалились по поводу оставления Псянчиным прокуратуры области. Как говорится, «любовь была без радости и расставания без страдания».

Обком партии, обжегшись на Псянчине, решил из местных на должность прокурора области никого не представлять. Хотя, на мой взгляд, достойной кандидатурой был первый заместитель прокурора области Уткин Ю.А. Он много лет проработал прокурором района. Перед переходом в аппарат областной прокуратуры несколько лет возглавлял самую крупную прокуратуру Ленинского района. Отношения с коллегами были хорошие. Личное поведение замечаний не вызывало. При его личном активном участии было возведено новое здание. Но не мы выбираем, нас назначают. Порой, критерий отбора на руководящие должности остается большой загадкой.

Вместо Аршавского М.Я. на должность начальника следственного управления был назначен Орехов В.С. Аршавский возглавил отдел по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах. В дальнейшем много лет в указанном управлении осуществлял методическую и

аналитическую работу, передавая большой опыт работы и глубокие знания молодым специалистам. Постоянно проводилось изучение судебно-следственной практики, издавались бюллетени и рассылались в горрайпрокуратуры информационные письма. После Аршавского длительное время уголовно-судебное управление возглавлял Лоскутов В.А., который, имея большой опыт работы, обладая хорошими организаторскими и аналитическими способностями, умело контролировал и руководил управлением.

На должность прокурора после Псянчина был назначен Восьмерик А.М., работавший до этого первым заместителем прокурора Новосибирской области. Это был совершенно, в отличие от предшественника, другой человек. Хорошо знал организацию работы органов прокуратуры, общительный, простой в обращении с коллегами. На равных общался с заместителями. Часто выезжал в другие прокуратуры, принимал участие в обсуждении результатов проверок, постоянно занимался вопросами подбора и учебы кадров. При нем был несколько изменен порядок, организация работы руководства прокуратуры. Начало работы для нас было установлено на 20 минут раньше остальных работников. Поэтому утром мы успевали ознакомиться со сводкой происшествий, намечали неотложные меры по выполнению наиболее актуальных задач, обсуждали кадровые перестановки, назначения. При нем был установлен предметно-территориальный принцип работы. Помимо курирования работы отделов, управлений за заместителями закреплялась определенная территория.

За мной был Ямало-Ненецкий округ, за Ореховым – Ханты-Мансийский округ, Уткиным – прокуратуры города и южные районы области. Все кадровые перемещения обсуждались с заместителями, закрепленными за данной территорией.

Восьмерик наладил нормальные, деловые отношения с вышестоящими прокуратурами. Сам лично встречал и сопровождал приезжающих с проверками, не устранился от встреч в неформальной обстановке. Совместно с партийной, профсоюзной организациями и руководством прокуратуры проводилось чествование ветеранов войны в день Победы.

Восьмерик глубоко вникал во все

сферы прокурорского надзора, лично принимал участие в устранении нарушений закона. Когда в колонии №2 г.Тюмени осужденные проявили массовое неповиновение, отказавшись выходить на работу, Восьмерик вместе с сотрудником прокуратуры России на месте разбирался в причинах этого явления.

Нам удалось мирным путем изменить сложившуюся ситуацию. Все осужденные вышли на работу, обстановка стабилизировалась. Поскольку это было первое массовое нарушение установленного режима содержания осужденных, прокуратура РСФСР решила придать остроту этому факту. Меня вызвали на коллегию, заслушали объяснение, обратили внимание на недостаточный прокурорский надзор и решение разослали во все прокуратуры.

Одно время я попытался заручиться поддержкой Восьмерика, чтобы освободиться от бремени секретаря партбюро, но он меня не поддержал, заявив, что сложившаяся нормальная обстановка в коллективе — во многом благодаря деятельности партийной организации.

Традиционно, он вместе с заместителями поднимался на 5-й этаж, чтобы сыграть несколько партий в бильярд. Иногда выезжали за город, чтобы в узком кругу отметить какое-нибудь значимое событие.

Примерно в это время мне позволили из кадров прокуратуры СССР и предложили дать согласие занять должность прокурора Ошской области Киргизской ССР. Затем позвонил прокурор этой республики, с ним я познакомился в Москве на учебе в институте повышения квалификации, и предложил приехать ознакомиться с обстановкой, встретиться с секретарем ЦК Киргизии. Я вначале согласился, но потом передумал. Зачем нужна мне эта должность? Опять ехать на край земли? На этот раз на самый крайний юг. Не хотелось мне этих крайностей. В общем, позвонил в Москву и отказался.

А вскоре в республике началась такая «демократия», массовые волнения, вооруженные столкновения. А мне это нужно было? Думаю, я правильно поступил, что отказался ехать туда. Ну а Восьмерик через четыре года был переведен на должность прокурора Тульской области. Выйдя на пенсию, переехал на жительство в г. Курск, где жила семья его единственной дочери.

Привлекательные условия от ГРК «Новинка»

*- сделают ваш отдых
незабываемым!*

353680, Краснодарский край,
город Ейск, улица Пляжная, 1А
тел./факс (861-32) 3-53-48
e-mail: novinka-hotel@mail.ru
<http://www.novinka-hotel.ru>

Гостинично - развлекательный комплекс «Новинка» расположен в курортной зоне, на Ейской косе, в 50 м. от лимана, работает круглогодично. ГРК – это первый 3-х этажный корпус (2005 г.) и два новых 2-х этажных корпуса из бруса сибирской сосны (2010 г.). Второй и третий этажи первого корпуса занимает гостиница на 36 номеров – 6 номеров двухкомнатных (от 38 кв.м до 43 кв.м.) и 30 номеров однокомнатных (от 13 кв.м. до 23 кв.м.) В корпусах из бруса 36 номеров - все однокомнатные. В каждом номере – кондиционер, холодильник, кабельное ТВ (30 каналов), санузел, душевая кабинка, горячая вода круглосуточно.

Выходы из всех номеров на террасу с видом на море. На 1-м этаже комплекса работают столовая, летнее кафе, бар, шашлычная. А также парикмахерская, магазины «Продукты», «Одежда», сувенирный рынок, банкомат Сбербанка России, экскурсионное бюро.

На территории комплекса парковка (не охраняемая). Возле каждого номера – стол и стулья для отдыха.

От «Новинки» курсирует прогулочный катер на необитаемый остров. Песчаный пляж – в 30 м. от гостиницы. В непосредственной близости от комплекса находятся: **городок аттракционов, дискотека, центральный пляж, остановка маршрутного такси, автостоянка (платная), водные аттракционы.**

Размещение в 1-м трёхэтажном корпусе: прихожая, комната, санузел

2-х местный однокомнатный, стандарт: одна двуспальная или две отдельные кровати, тумбочки, шкаф для белья, стол, стулья, совмещенный санузел, набор посуды, чайник.

3-х местный однокомнатный: одна двуспальная и 1 односпальная или 3 отдельные кровати, тумбочки, шкаф, стол, стулья, совмещенный санузел, набор посуды, чайник.

4-х местный однокомнатный с балконом: одна двуспальная и две односпальные кровати, тумбочки, шкаф, стол, стулья, совмещенный санузел, набор посуды, чайник.

Двухкомнатный люкс (4-х местный) с большим балконом: в одной комнате – спальная гарнитура (2-х спальная кровать, шкаф, комод с зеркалом, тумбочки), в другой – мягкий уголок, стол и стулья, ТВ, тумбочка, набор посуды, чайник, фен. В прихожей холодильник, санузел совмещенный.

Размещение во 2-м и 3-м двухэтажных корпусах: комната, санузел.

2-х местный однокомнатный стандарт: двуспальная кровать, шкаф, стол, стулья, набор посуды, совмещенный санузел, площадь всех номеров - 13 м².

Услуги, входящие в стоимость:

- Проживание в номере выбранной категории, завтраки, обеды.
- Завтрак (120 рублей), обед (200 руб. для взрослых, для детей до 10 лет – 100руб.)
- Питание в столовой, по талонам. В день заезда - обед, в день выезда - завтрак).
- пользование феном, утюгом, сейфом, вызов такси.
- пользование лежаками, зонтами, шезлонгами на террасе гостиницы.
- ежедневная влажная уборка, смена белья – 1 раз в 6 дней.

Услуги за дополнительную плату:

- экскурсионное обслуживание, автостоянка, доставка ужина в номер, мини-бар, трансферт
- покушать по свободному меню в столовой, кафе вы можете в любое время.

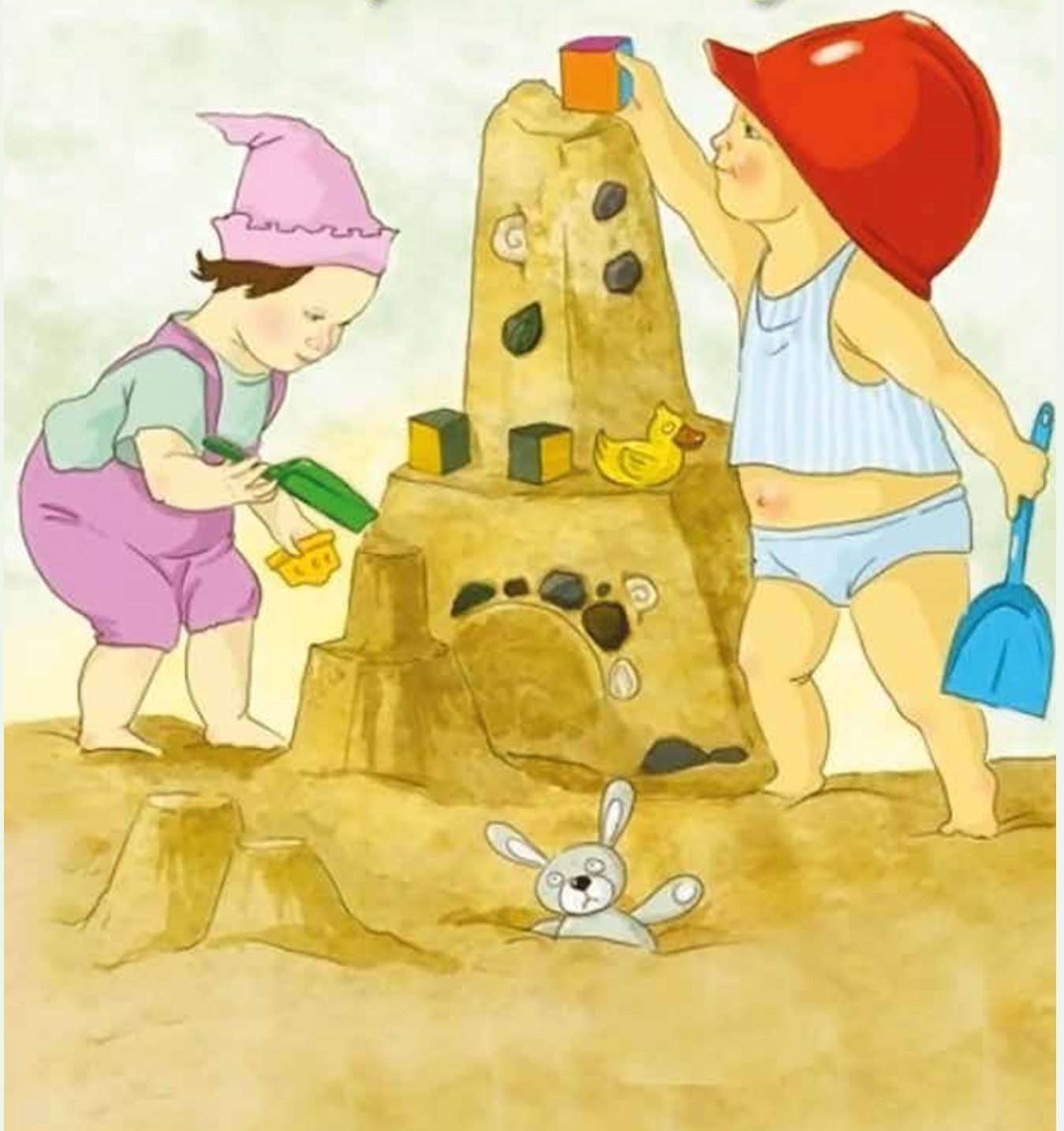
Документы, необходимые для заезда:

- путевка, паспорт, медицинский страховой полис, копию свидетельства о рождении детей.

Расположение: в 180 км от г. Ростова - на - Дону, в 70 км от ж/д станции Староминская (Тимашевская), в 3-х км от аэропорта города Ейска, 1-м км от ж/д вокзала Ейска и центра города.

Раскраска

*Все работы хороши,
Выбирай на вкус!*

ВСЕ РАБОТЫ ХОРОШИ, ВЫБИРАЙ НА ВКУС

Труд надо уважать и охранять

Раскраски от журналов «Агрофорум» и «Сельский Округ сегодня»
Для девочек и мальчиков

Идея: Галина Поперека, Александр Кауфман, руководитель ГИТ в Тюменской области

Художник Александр Мельников

Методическая разработка Александр Мельников

Компьютерная верстка Анна Березина

Издательство ООО «КомПозиция»

Главный редактор журнала «АФОРУМ.РФ» («АГРОФОРУМ») Владимир Сипетин

Авторские права V./Igel

Телефон: 8-922-077-47-79

E-mail: agroforum-2011@mail.ru

Сайт афорум.рф

Изготовлено на DVD-дисках: ООО «Связист». Тираж 999 экз.

Изготовлено на бумажном носителе: Тираж 999 экз.

Адрес издателя: 625000, г. Тюмень. Улица Хохрякова, дом 50, офис 305

Распространяется среди подписчиков журналов «Агрофорум» и «Сельский Округ сегодня»,
на выставках, детских садах и школах

